

15. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
16. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. СПб., 2004.
17. *Аскольдов С.А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 267-279.
18. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М., 1997. С. 280-287.
19. *Демьянков В.З.* Фрейм // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 187-189.
20. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград, 2004.
21. *Болдырев Н.Н.* Прототипический подход: проблемы метода // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сборник материалов. Тамбов, 2006. С. 34-39.
22. *Карасик В.И.* Языковые ключи. Волгоград, 2007.
23. *Золотова Г.А., Онитипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
24. *Дементьев В.В.* Фатические и информативные коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 34-44.
25. *Формановская Н.И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., 2007.
26. *Багдарасян Т.О.* Тональность как компонент модели речевого жанра (на материале речевого жанра «угроза») // Жанры речи. Саратов, 2003. Вып. 3. С. 240-245.
27. *Хабибрахманова Ю.Р.* Категория тональности в жанре очерка // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2004. Т. 14. С. 179-185.
28. Музыкальный энциклопедический словарь / под ред. Ю.Г. Келдыша. М., 1990.
29. *Ефремов А.Ф.* В чем богатство русского языка. Саратов, 1963.
30. *Сусов И.П.* Лингвистика между двумя берегами // Языковое общение: Единицы и регулятивы. Калинин, 1987. С. 9-14.

Поступила в редакцию 14.12.2009 г.

Tupikova S.E. Categories, concepts, tonality.

The processes of conceptualization and categorization are reflected in the human verbal activity with the help of language means which are accentuated by a certain communicative tonality chosen by an addressee for a certain communicating process. The article focuses on the notions of categories and concepts (which have not been strictly defined in recent researches yet) concerning communicative tonality. Tonality cannot be fully realized by a language personality without knowledge about categories and concepts that are mainly revealed in the language.

Key words: cognition; category; concept; communication; tonality.

УДК 801.73

О НЕКОТОРЫХ УСЛОВИЯХ ПОНИМАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РАСТИТЕЛЬНОГО МОТИВА В РОМАНЕ М. ПРУСТА «В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ»)

© А.Е. Бочкарев

Данная публикация имеет целью показать, как совершается понимание текста и какие используются в этой связи процедуры семантической интерпретации.

Ключевые слова: интерпретация; понимание; когнитивные модели; референция; метафора.

В когнитивной обработке смысл анализируемой языковой последовательности выводится на основе предшествующих знаний путем подгонки к заведомо известным моделям понимания. Слово, например, соотносится с прототипом (в понимании Э. Рош) или лексическим стереотипом (в понимании Х. Патнэма), высказывание и/или текст – с понятийными структурами типа сценарных типов, фреймов (в понимании Ч. Филлмора)

или идеализированных когнитивных моделей (в понимании Дж. Лакоффа). Так понимание становится отчасти «предпониманием» (М. Хайдеггер), или «антиципацией смысла» (Х.-Г. Гадамер).

Не меньший эвристический интерес представляют вместе с тем ситуации, проблемные ситуации, когда для решения поставленной задачи не подходит ни одна из извлекаемых из памяти когнитивных моде-

лей; и субъекту не остается ничего другого, как искать методом проб и ошибок некоторую дотоле неизвестную модель понимания.

Обратимся за примером к Марселю Прусту. В «Поисках утраченного времени» есть весьма примечательный эпизод, точнее ряд эпизодов о цветущем кусте боярышника [1]. Каким бы ни был избираемый для разбора вариант, определение не ограничивается таксономическими знаниями из области ботаники. Эти знания позволяют, безусловно, установить, какому естественному классу принадлежит боярышник, а заодно и понять, какими онтологическими свойствами обладает по определению всякий индивидуальный представитель семейства розоцветных, но не понять, почему в сознании юного Марселя, alter ego Пруста, с ним ассоциируется *алтарь, церковь и богослужение, г-жа Сван, творог с клубникой* и прочие *вожделенные вещи*, ни почему в качестве определения ‘aubérine’ – *боярышник* – в окончательной редакции избирается дескрипция вида *fleur du mois de Marie* или *arbuste catholique et délicieux*.

На первых порах отправным ориентиром здесь служит такой весьма существенный для прустовской эстетики фактор, как пространственно-временная смежность референтов, а непосредственным стилистическим ее выражением – метафора с метонимическим основанием: «ассимиляция по принципу соседства» [2].

От отношения смежности легко действительно перейти к отношению подобия. Поскольку ветвями цветущего боярышника украшают к празднику девы Марии алтарь, ‘aubérine’ – *боярышник* – уподобляется по смежности *алтарю*, а затем и некоторым другим элементам архитектоники и внутреннего убранства – *готическим витражам, нервюрам, клиросу, приделам, потиру, дарносице* и даже, наконец, *богослужению, таинству культа девы Марии, мистической торжественности и народному ликованию* [1, р. 136, 851, 852, 853, 854, 858, 860, 862, 865, 866-867, 869]. Так выстраивается серийная аналогия между ‘aubérine’ (*боярышник*) и ‘autel’ (*алтарь*), ‘calice de fleur’ (*чашечка цветка*) и ‘calice’ (*потира*), ‘fleur’ (*цветок*) и ‘tabernacle’ (*дарохранительница*), ‘feuillage’ (*листва*) и ‘verrière’ (*витраж*), ‘bouquets d’étamines’ (*пучок тычинок*) и ‘nervures’ (*нервюры*), ‘pistils’ (*пестики*) и ‘cœur d’une

basilique’ (*клирос базилики*), ‘jonchée de fleurs’ (*охапка цветов*) и ‘suite de chapelles’ (*ряд приделов*).

В другом эпизоде необходимым и достаточным условием «сдвига» значения становится такая характеризующая референт деталь, как цвет. Обратившись в очередной раз к объекту созерцания, Марсель констатирует, что привлекающее внимание свойство входит в противоречие с ближайшим этимологическим значением. Вопреки ожиданиям колючка оказывается розовой, а не белой: *En effet c’était une épine, mais rose, plus belle encore que les blanches* [1, р. 137].

Различие по цвету преобразуется в различие по качеству: ‘épine blanche’_{0/} < ‘épine rose’_{+1/}, а затем возводится в основание сравнения с элементами других системных классов, в т. ч. //музыка//, //изобразительное искусство//, //телесность//, //детали туалета//, //лакомства//. В одном случае ‘épine rose’ (*розовая колючка*) определяется в отношении к ‘pièce jouée à l’orchestre’ (*пьеса в оркестровом исполнении*), ‘épine blanche’ (*белая колючка*) – в отношении к ‘pièce jouée au piano’ (*пьеса для фортепиано*) [1, р. 137, 812, 859]. В другом случае ‘épine rose’ (*розовая колючка*) определяется в отношении к ‘peinture à l’huile’ (*картина маслом*), ‘épine blanche’ (*белая колючка*) – в отношении к ‘dessin au crayon’ (*карандашный рисунок*) или ‘esquisse au crayon’ (*карандашный набросок*) [1, р. 137, 852, 859].

Цветовая характеристика служит, кроме того, основанием для переосмысления *боярышника* по аналогии с *вожделенными вещами розового цвета*, в т. ч. *творогом с розовым кремом и клубникой, богатым праздничным убором и накрахмаленным розовым платьем* [1, р. 855, 856, 865, 866]. Так выстраивается, в частности, аналогия, по которой ‘épine rose’ (*розовая колючка*) так относится к ‘épine blanche’ (*белая колючка*), как ‘fraîche toilette rose’ (*накрахмаленное розовое платье*) к ‘négligé’ (*неглиже*). Актуализации в этом случае подлежат такие афферентные видовые признаки, как /праздничный/ (в контексте «toilette pour une grande fête» – *праздничный наряд*), /исключительный/ (в контексте «raison de leur supériorité» – *причина превосходства*) или /привлекательный/ (в контексте «belles» – *красивые*, «de tendre embellissement» – *изысканной красоты*).

Весьма симптоматичной становится, наконец, и транспозиция 'pétales d'aubépines' (лепестки) → 'lèvres' (губы): *les petits boutons roses en s'entrouvrant laissaient voir des pétales d'un rose plus vif presque rouge comme des lèvres* [1, p. 864]. В онтологическом смысле слова у лепестков нет ничего общего, за исключением разве только некоторых оттенков цвета, с губами. Но этого достаточно, что преобразовать лепестки в губы. Основанием подобия здесь служит иллюзия сходства, точнее непреодолимое желание подтвердить это сходство, а семантическим оператором, вносящим коррективы в истинностное значение пропозиции, – компаративная связка *comme* «как» в функции ограничителя: *comme des lèvres*.

В такой многоступенчатой транспозиции не может не измениться существенным образом и традиционное значение. Помимо таксономических признаков, типа /растение/, /семейства розоцветовых/, 'aubépine' (боярышник) определяется в прустовском идиолекте еще и по некоторым актуализированным в контексте афферентным признакам. В отношении, например, к 'autel de la Vierge' (алтарь Богородицы), 'mois de Marie' (месяц девы Марии) и 'église' (церковь) профилируется преимущественно признак /католический/, в отношении к 'robe de fête' (праздничное платье), 'rature' (убор) или 'pompons' (мелочной убор – /праздничный/), в отношении к 'intervalles musicaux' мелодические интервалы, 'marbre rose' (розовый мрамор), 'peinture à l'huile' (картина маслом) или 'Monet' (Моне – /эстетичный/), в отношении к 'fraises' (клубника), 'fromage à la crème rose' (творог с розовым кремом), 'gâteau à l'amande' (миндальное пирожное), 'gourmandise' (лакомство), 'lèvres' (губы – /вожделенный/). В изучаемом тематическом комплексе эти признаки образуют в совокупности «семную молекулу» (Ф. Растье), составные компоненты которой актуализируются с переменной или полной лексикализацией в рамках соответствующей изотопии, в т. ч. i_1 /католический/, i_2 /эстетичный/, i_3 /праздничный/, i_4 /вожделенный/.

Помимо специфических особенностей прустовского идиолекта, приведенные наблюдения позволяют сформулировать, таким образом, некоторые принципиальные для интерпретирующей семантики положения.

В оформлении языкового значения участвуют разные системы знания – от научных таксономий до обыденных представлений, так что профилирующими в составе значения становятся такие и только такие компоненты значения, которые задаются самой системой.

Определительное множество, на котором устанавливается искомое значение, может не совпадать по составу ни с одним из известных системных классов.

Свойства, по которым элементы одного семантического класса уподобляются элементам другого класса, приобретают в высказывании статус семантического предиката вида «быть *b*» в значении «быть в каком-то отношении таким или почти таким, как *b*».

Поскольку истинностное значение суждений релятивизируется относительно представлений говорящего, главное – не понять, насколько приемлема в онтологическом отношении та или иная предикатная дескрипция, а установить, насколько она совместима в данном контексте мнения с другими дескрипциями и насколько эвристически ценными являются в целом эти дескрипции.

В качестве семантических операторов, вносящих коррективы в истинностное значение «проблемных» суждений, могут использоваться:

– уравнительный контекст в виде синтаксических конструкций N_1 de N_2 : ср. *chapelle de verdure*; N_1 есть N_2 : ср. *les branches étaient elles-mêmes un autel*; N_1 Adj₁ Adj₂: ср. *étamines blanches immaculées*;

– выражения в функции ограничителей, в т. ч. *comme* «как»: ср. *comme une sorte d'obscur et mystérieux chœur*; *pour moi* «для меня»: ср. *des branches fleuries qui faisaient pour moi partie du saint mystère*; *sembler* «казаться»: ср. *la clôture <...> semblait un autel rustique*; *paraître* «казаться»: ср. *leur rayonnement au milieu des étales me paraissait appartenir au même style catholique et flamboyant*; *la même* «такой же»: ср. *la même essence sacrée*;

– полисемные, означающие: ср. фр. *calice* «чашечка цветка» или «потир».

1. Proust M. A la recherche du temps perdu. En quatre tomes. P., 1987–1989. P. 112-113, 136-138, 851-871.
2. Женетт Ж. Метонимия у Пруста // Фигуры. в 2 т. 1998. Т. 2. С. 49.

Поступила в редакцию 17.12.2009 г.

Bochkarev A.E. About some conditions of understanding.

Taking a vegetal motif in Proust's novel "A la recherche du temps perdu" as an example, the paper considers some problems connected with the text understanding and its semantic interpretation.

Key words: interpretation, understanding, cognition, reference, metaphor.

УДК 81'1:004

ОСНОВНЫЕ ЖАНРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНТЕРНЕТ-ЧАТА В РАМКАХ КОНТРАСТИВНОГО АНАЛИЗА

© Н.А. Лепшеева

В статье приводится анализ ряда работ по теории и классификации жанров компьютерного дискурса, а также предлагается новый подход к выделению базовых критериев для классификации и описанию Интернет-чата как особого жанра компьютерного дискурса.

Ключевые слова: интернет-дискурс; компьютерная коммуникация; жанры межличностной компьютерной коммуникации.

С момента обращения к изучению глобальной сети Интернет возник вопрос об определении компьютерного дискурса. Большинство исследователей сходятся во мнении, что под компьютерным дискурсом следует понимать общение, опосредованное электронными средствами коммуникации, или компьютерную коммуникацию. Несмотря на многообразие терминов, обозначающих язык компьютерного общения – компьютерный дискурс, электронный дискурс, интернет-дискурс, в целом это тождественные понятия, которые обозначают как обмен информацией, так и общение между людьми посредством компьютера.

К вопросу о компьютерном дискурсе и его жанрах обращались многие отечественные лингвисты, такие как Е. Галичкина, О. Ворон, А. Кутузов, В. Михайлов и С. Михайлов, Е. Волкова, Л. Иванов, Е. Вавилова, Л. Ковальская, П. Кондрашов, Н. Моргун и Е. Горошко. Большинство из них выделяют следующие общие конститутивные признаки, на основе которых становится возможным описать компьютерный дискурс: виртуальность, глобальность, дистантность, опосредованность, гипертекстуальность.

Различия между разновидностями компьютерного дискурса описываются с помощью понятия жанра. Это понятие первоначально использовалось в литературоведении для различения таких видов литературных произведений, как, например, новелла, эссе,

повесть, роман. Было предложено и более широкое понимание термина «жанр», распространяющееся не только на литературные, но и на другие речевые произведения. По мнению А.Д. Швейцера, единицей контрастивного анализа может быть только жанр, поскольку тип текста базируется на определенной коммуникативной функции [1].

В исследовании американского лингвиста Дж. Байбера было показано, что для многих жанров выделить устойчивые формальные характеристики весьма затруднительно. Дж. Байбер предложил рассматривать жанры как культурные концепты, лишённые устойчивых лингвистических характеристик, и дополнительно выделять типы дискурса на основе опытным путем выявляемых и количественно измеримых параметров [2].

В диссертационной работе Е.Н. Галичкиной «Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках» как разновидности компьютерного дискурса (жанры) выделены и обоснованы только интернет-конференции и форумы. Именно в этой работе впервые встречается упоминание об интернет-чатах как особом жанре компьютерного дискурса. По классификации Е.Н. Галичкиной, компьютерное общение включает следующие жанры:

- 1) электронная почта;
- 2) чат – неформальное общение в реальном времени посредством компьютера;
- 3) электронные доски объявлений;